

**Издание подготовлено в партнерстве
с Фондом некоммерческих инициатив «Траектория»
(при финансовой поддержке Н.В. Каторжнова).**

Фонд поддержки научных, образовательных и культурных инициатив «Траектория» (www.traektoriafdn.ru) создан в 2015 году. Программы фонда направлены на стимулирование интереса к науке и научным исследованиям, реализацию образовательных программ, повышение интеллектуального уровня и творческого потенциала молодежи, повышение конкурентоспособности отечественных наук и образования, популяризацию науки и культуры, продвижение идей сохранения культурного наследия. Фонд организует образовательные и научно-популярные мероприятия по всей России, способствует созданию успешных практик взаимодействия внутри образовательного и научного сообщества.

В рамках издательского проекта Фонд «Траектория» поддерживает издание лучших образцов российской и зарубежной научно-популярной литературы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	
ЦАРСТВО ТЬМЫ	9
ГЛАВА 1	
НОВОЕ НАЧАЛО	
Декарт	16
ГЛАВА 2	
МАЛМСБЕРИЙСКОЕ ЧУДОВИЩЕ	
Гоббс	65
ГЛАВА 3	
ДУНОВЕНИЕ БУДУЩЕГО	
Спиноза	134
ГЛАВА 4	
ФИЛОСОФИЯ ДЛЯ БРИТАНЦЕВ	
Локк	174
ГЛАВА 5	
ИНТЕРЛЮДИЯ С КОМЕТОЙ	
Бейль	234

ГЛАВА 6 НАИЛУЧШИЙ ИЗ ВОЗМОЖНЫХ КОМПРОМИССОВ Лейбниц	244
ГЛАВА 7 ТРАКТАТ О ЖИВОТНОЙ ПРИРОДЕ Юм	291
ГЛАВА 8 ЧТО ЖЕ ДАЛО НАМ ПРОСВЕЩЕНИЕ? Вольтер, Руссо и философы XVIII столетия	343
СПИСОК УПОТРЕБЛЯЕМЫХ СОКРАЩЕНИЙ	361
ПРЕДЛОЖЕНИЯ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО ЧТЕНИЯ	363
ПРИМЕЧАНИЯ	364
БЛАГОДАРНОСТИ	406
ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.....	407

ВВЕДЕНИЕ

ЦАРСТВО ТЬМЫ

Западной философии сейчас больше 2500 лет, но основные ее достижения приходятся на две яркие вспышки длиной около 150 лет каждая. Первая была в Афинах Сократа, Платона и Аристотеля, с середины V в. до н. э. до конца IV в. до н. э. Вторая произошла в Северной Европе, вслед за религиозными войнами и подъемом Галилеевой науки. Этот период простирается с 1630-х гг. до кануна Великой французской революции в конце XVIII столетия. За относительно короткое время Декарт, Гоббс, Спиноза, Локк, Лейбниц, Юм, Рассо и Вольтер — то есть большинство самых известных представителей философии нового времени — оставили свой след в истории. Все они были любителями: ни один из них не имел никакого отношения к университетскому образованию. Они исследовали значение новой науки и религиозных потрясений, что заставило их отвергнуть многие традиционные учения и воззрения. Что нам дает развитие науки для понимания самих себя и для наших представлений о Боге? Что делать правительству с религиозным многообразием? Для чего, собственно, нужно правительство? Этими вопросами мы задаемся и сегодня, продолжая наш диалог и споры с Декартом, Гоббсом и другими.

Этим философам и сегодня есть что сказать нам, именно поэтому так легко истолковать их неверно. Ведь заманчиво

думать, будто они говорят на одном языке с нами и живут в нашем мире. Но, чтобы понять их правильно, нам следует постараться пройти по их стопам. Такая попытка и предпринята в этой книге.

Семена Просвещения XVIII в. были посеяны в XVII в., когда некоторые люди предположили, что история пошла не тем путем. Не Платон и Аристотель были теми древними, кто достоин почитания, а, скорее, мы сами. Первым выразил эту мысль, по-видимому, Фрэнсис Бэкон (1561–1626). Однако лучше всех сформулировал ее, вероятно, один из его последователей — Блез Паскаль (1623–1662), который в своих сочинениях опроверг утверждение древних, что природа не терпит пустоты:

Тех, кого мы называем «древними», справедливее было бы называть «новыми», ибо представляют они, собственно говоря, детство человечества. А поскольку мы присовокупили к их познаниям опыт прошедших веков, то, скорее, в нас самих следует усматривать почитаемую нами в других древность¹.

Кроме того, Паскаль отмечал, что если бы древние греки выказывали такое же почтение своим предшественникам, какое впоследствии наблюдалось по отношению к грекам, то никогда бы не достигли того, что так восхищает в них нас.

Бэкон успешно пропагандировал новую идею, что все старые идеи следует подвергать сомнению. Мы должны изучать действительность, настаивал он, а не тратить свои дни, роясь в пыльных книгах. Так мы сможем раскрыть тайны природы, которые можно использовать во благо человечества. Отстаивая тщательные и систематические наблюдения, Бэкон стал своеобразным символом основанного

в 1660 г. Лондонского королевского общества, одного из первых европейских клубов научных исследователей. Сто лет спустя в «Энциклопедии» французских просветителей Бэкон был объявлен героем новой зари человечества, хотя те же французские почитатели признавали, что его научные идеи сами по себе могут оказаться ошибочными. Бэкон упускал из виду, неправильно понимал или не вникал в суть того, что мы сейчас рассматриваем как наиболее значимые научные достижения того времени. Он почти не находил времени для Галилея или Кеплера в силу их докучливой математичности и не особенно интересовался Коперником, чья астрономия, как он говорил, «с нашей точки зрения совершенно неверна»². Тем не менее если Бэкон к чему и стремился, так это, по его словам, «звонить в колокол, дабы собрать разные умы вместе»³, и в этом он преуспел. Бэкон порицал «род научных занятий, лишенный здравого смысла и саморазлагающийся»⁴, и его критика звучала справедливо для проницательных умов наступающей новой эпохи:

...у многих схоластов, располагающих большим количеством свободного времени, наделенных острым умом, но очень мало читавших... образование было ограничено сочинениями небольшого числа авторов, главным образом Аристотеля, их повелителя, а сами они всю жизнь проводили в монастырских кельях... Почти ничего не зная в области естественной и гражданской истории, они из небольшого количества материи, но с помощью величайшей активности духа, служившего им своего рода ткацким членоком, соткали свою знаменитую, потребовавшую колоссального труда ткань, которую мы находим в их книгах... Ткань науки, удивительную по тонкости

нити и громадности затраченного труда, но ткань эта абсолютно ненужная и бесполезная⁵.

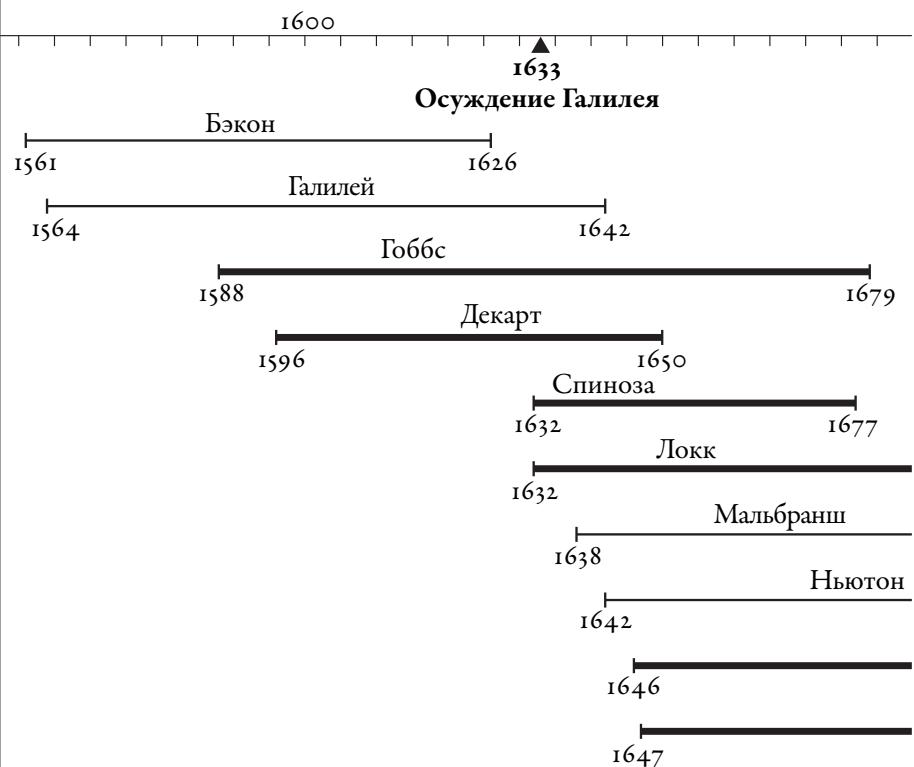
Для Томаса Гоббса (1588–1679), бывшего некоторое время помощником Бэкона, средневековый стиль философии, все еще имевший чрезмерное влияние в университетах, был частью «Царства Тьмы». По-прежнему процветали в этом метафорическом царстве суеверие и нетерпимость. И теперь стояла задача вырваться из него.

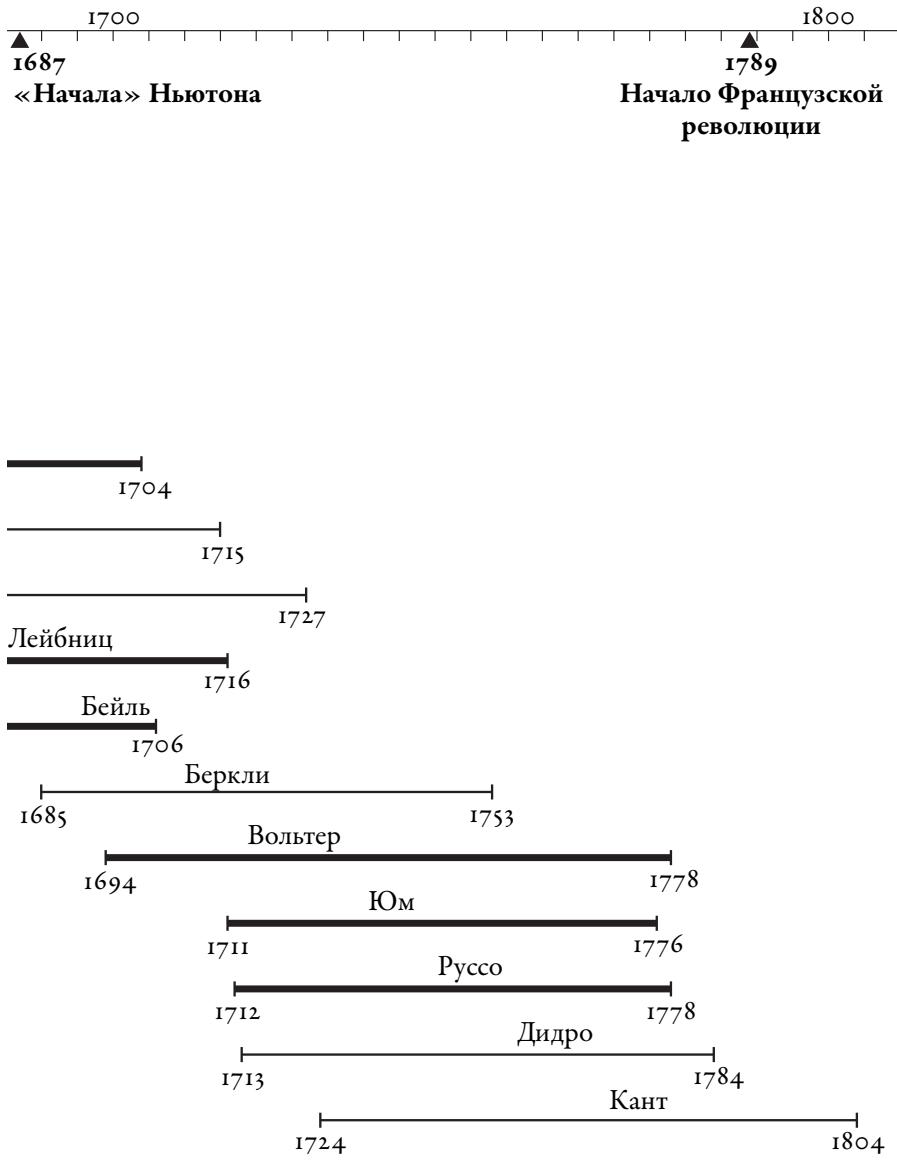

Как получилось, что некоторые люди XVII столетия были готовы с подозрением коситься на древних, на авторитет Церкви и на средневековые науки с философией, обсуждается в работе «The Dream of Reason: A History of Philosophy from the Greeks to the Renaissance» («Мечта о разуме: история философии от древних греков до Возрождения»), настоящая книга является ее продолжением. Обновленное издание «The Dream of Reason» публикуется одновременно с этой книгой. В будущем томе мы снова примемся за историю философии, начиная с Иммануила Канта, чья самая влиятельная работа была опубликована в 1781 г., спустя три года после смерти Вольтера и Руссо. С ним началась новая эпоха в этой области знаний.

Любые книги по истории философии не исчерпывающие — некоторые предложения дополнительной литературы о XVII и XVIII столетиях можно найти в конце настоящей книги.

Некоторые мыслители XVII и XVIII веков

ГЛАВА 1

НОВОЕ НАЧАЛО

Декарт

Декарт (1596–1650) был весьма сведущ в науках, но нам он более известен стремлением к сомнению, нежели достигнутыми знаниями. «Как могу я быть уверен, что не сплю?» — спрашивал он. «Как могу я быть уверен, что какой-нибудь лукавый демон не дурачит меня?» Изречение Фрэнсиса Бэкона гласит, что, «если кто-нибудь отправляется от установленных положений, он приходит под конец к сомнению, если же начинает с сомнений и терпеливо справляется с ними, через какое-то время приходит к правильному выводу»¹. В духе этого высказывания Декарт приглашал читателей разделить с ним холодную ванну скептицизма, которую сам он находил необыкновенно бодрящей:

Но так как в это время я желал заняться исключительно изысканием истины, то считал, что должен... отбросить как безусловно ложное все, в чем мог вообразить малейший повод к сомнению... Таким образом, так как чувства нас иногда обманывают, я допустил, что нет ни одной вещи, которая была бы такова, какой она нам представляется; и поскольку есть люди, которые ошибаются... то я, считая

и себя способным ошибаться не менее других, отбросил как ложные все доводы, которые прежде принимал за доказательства. Наконец, принимая во внимание, что любое представление, которое мы имеем в бодрствующем состоянии, может явиться нам и во сне, не будучи действительностью, я решил представить себе, что все, когда-либо приходившее мне на ум, не более истинно, чем видения моих снов².

Однако вскоре Декарт нашел то, что не могло быть иллюзией, — то, в чем он мог не сомневаться, независимо от того, спал или бодрствовал. Он открыл свое первое неоспоримое положение:

Я тотчас обратил внимание на то, что в то самое время, когда я склонялся к мысли об иллюзорности всего на свете, было необходимо, чтобы я сам, таким образом рассуждающий, действительно существовал. И заметив, что истина: *я мыслю, следовательно, я существую*, так тверда и верна, что самые сумасбродные предположения скептиков не могут ее поколебать, я заключил, что могу без опасений принять ее за первый принцип искомой мною философии³.

Слова «Я мыслю, следовательно, я существую» — *Ego cogito, ergo sum*, написанные Декартом на латыни, стали самым известным изречением в философии и представляют собой несколько необычный первый принцип. Он выглядит вполне очевидным, но все же слишком простым, чтобы служить чему-либо основанием. Много ли ценных познаний можно из него извлечь? Как мы убедимся, путь Декарта от его собственного существования до всеобъемлющей новой системы знаний был извилист, и часто его

понимали неправильно. Однако Декарт был убежден, что слова «Я мыслю, следовательно, я существую» помогли ему найти верную отправную точку.

Он также был убежден, что способен справиться с работой, поскольку великого скептика никогда не терзали сомнения в собственной значимости. Принципы, к которым он пришел, не только «так убедительны и ясны, что любой, кто верно их понимает, не будет иметь причин их оспаривать»⁴, но и, как верил Декарт, достаточно полны, дабы дать удовлетворительные ответы на все вопросы науки. Грандиозные амбиции Декарта распространялись даже на «систему медицины, основанную на неоспоримых доказательствах»⁵. Однажды он сказал: «Сохранение здоровья всегда было “основной целью моих исследований”»⁶ — философ был уверен, что вот-вот откроет способ продления человеческой жизни. Вероятно, Декарт полагал, что если бы на этой земле ему было отпущено достаточно времени да если бы некие искусные мастера изготовили необходимое ему оборудование, то он смог бы разрешить задачи науки сам:

И тем не менее я осмеливаюсь сказать, что я не только нашел средство в короткое время удовлетворительно решить главные трудности, обычно трактуемые в философии [которая для Декарта включала и то, что мы называем наукой], но открыл также некоторые законы, которые Бог так установил в природе и понятия о которых так вложил в наши души, что мы после некоторого размышления не можем сомневаться в том, что законы эти точно соблюдаются во всем, что есть и происходит в мире⁷.

Аристотель никогда не изъявлял подобной уверенности в себе. Вероятно, такой самонадеянности способствовали

века христианской веры. В конце концов, если можно столь однозначно формулировать истину в религиозных вопросах, почему же истина о природе должна вызывать особые проблемы? Знакомство с новой наукой Галилея (1564–1642) подпитывало оптимизм Декарта. «Механистическая философия» казалась огромным скачком вперед после столетий застоя. Конечно же, истина была прямо за углом! Схожее чувство радостного возбуждения испытывали и в наше время некоторые физики, ожидавшие, что новейшие открытия выльются в «окончательную теорию»⁸, которая буквально объяснит все. В 1980 г. выдающийся космолог Стивен Хокинг писал, что это может произойти в ближайшие 20 лет⁹. Это утверждение оказалось преждевременным, как и прочие подобные заявления, регулярно повторявшиеся начиная с конца XIX столетия. В 1894 г. Альберт Майкельсон, первый американский лауреат Нобелевской премии в области науки, заявил, что все основные физические законы и факты уже открыты¹⁰. В 1928 г. Макс Борн, еще один лауреат Нобелевской премии, утверждал, что вся физика будет исчерпана в течение полугода¹¹. Сейчас мы понимаем, что у Декарта было гораздо меньшее оснований для таких надежд, чем у современных физиков. Но вряд ли можноставить ему в вину то, что он этого не осознавал. К тому же у Декарта были особые причины для уверенности в своих идеях. Они невредимыми преодолели долину глубочайших сомнений и первыми подверглись суровой проверке. Как в таком случае они могли быть неверны?

Декарт имел право авторитетно говорить о новой науке, поскольку был одним из ее отцов-основателей. Современная прикладная математика по большей части основана на его открытиях, а именно на аналитической геометрии,

использующей алгебру для решения практических задач о пространстве и движении. Он сделал больше, чем кто-либо из его современников, чтобы продемонстрировать, как математика может служить самым разным наукам. Галилей и Кеплер считаются пионерами в этом отношении, но их попытки были эпизодическими. Работа же Декарта имела всесторонний характер. Он трудился над созданием общей картины природы, столь же всеобъемлющей, как аристотелевская, но построенной на не имевшем отношения к Аристотелю «механистическом» принципе, согласно которому физические явления объяснялись с точки зрения связи движущихся тел с движениями и формой их частей. Декарт выдвинул теории, которые какое-то время всерьез соперничали с идеями Исаака Ньютона (1642–1727) и вдохновили некоторые предположения последнего. Через несколько лет после смерти Ньютона Вольтер (1694–1778) писал: «Я не считаю возможным, чтобы действительно кто-то осмелился свести на нет его (Декарта) философию в сравнении с философией Ньютона; первая — это опыт, вторая — шедевр». Тем не менее, продолжал Вольтер, «тот, кто направил нас по пути истины, быть может, вполне равен тому, кто после него завершил этот путь»¹².

Большинство научных трудов Декарта, за исключением его математических работ, было забыто, что отчасти объясняет, почему он вошел в историю как абстрактный мыслитель, а не как ученый. При этом остается незамеченным факт, что свою жизнь Декарт провел в основном не в раздумьях о том, что сам называл «первой философией», или «метафизикой», — о природе души, пределах познания и существовании Бога, а, скорее, занимаясь экспериментами, анатомическим препарированием, наблюдениями и измерениями. Вопреки нынешней репутации Декарта, сам

он, похоже, меньше интересовался метафизикой, чем применением алгебры к геометрии и копошением во внутренностях коров. Когда он жил в Амстердаме около 1630 г., он ежедневно посещал мясную лавку, чтобы раздобыть туши для препарирования. Его объяснение радуги стало вехой в экспериментальной науке, и оно было почти верным. Декарт независимо открыл и первым опубликовал закон преломления лучей света, известный в англоязычных странах как закон Снеллиуса и объясняющий, почему прямая палка, частично опущенная в воду, выглядит сломанной. Декарт также проводил исследования в области физиологии, медицины, метеорологии, геологии и стремился проникнуть во все другие нераскрытыe тайны природы, которые обещала разрешить «механистическая философия». Декарт был первым, кто детально продемонстрировал, что функционирование человеческого тела можно уподобить работе машины. Размышляя над открытием кровообращения, сделанным Уильямом Гарвеем, он развил некоторые его идеи в полноценную механистическую физиологию. В то же время, однако, Декарт допустил и ошибочную критику Гарвея и неправильно описал функцию сердца.

Декарт был так очарован машинами и разнообразными хитроумными изобретениями, что, согласно широко распространенному слуху, его повсюду сопровождала движущаяся, натуральной величины, кукла, практически неотличимая от его незаконной дочери Франсин. Эта выдумка, подразумевающая дьявольский ум и граничащее с непристойностью безумие, распространилась во второй половине XVIII в., когда крайние версии материализма и даже атеизма защищались некоторыми радикалами во Франции. К тому времени считалось, что подобные ужасные всходы принесли именно семена Декартовой механистической

науки и рационалистического мировоззрения, хотя сам Декарт отрекся бы от подобных плодов. Он не утверждал, что люди являются машинами, как это позднее делали другие, машинами он называл человеческие тела. И его, вероятно, не затронули какие-либо сомнения в доктринах католической церкви.

Рене Декарт родился в состоятельной буржуазной семье 31 марта 1596 г. в деревеньке, тогда называвшейся Ла-Э, в долине Луары. Всегда бывший скрытным — его кредо было *Bene vixit, bene qui latuit* («Хорошо прожил тот, кто прожил незаметно»), — он не разрешал публиковать дату своего рождения при жизни, опасаясь, что кто-нибудь может вычислить его гороскоп. Жоаким Декарт надеялся, что его сын пойдет по отцовским стопам — в мир юридической практики и провинциального чиновничества — и удачно жениится. На деле Рене расстроил династические амбиции своего отца, хотя его старший брат Пьер принял удар на себя, и в 1668 г. семья получила низший дворянский чин. Рене унаследовал несколько ферм от семьи своей матери и впоследствии продал их, чтобы поддерживать образ жизни учёного мужа. Отец философа говорил, что он — единственный разочаровавший его сын, поскольку вечно ухитряется «попасть в самый неожиданный переплет»¹³.

Мать Декарта умерла, когда ему было 14 месяцев, и отец доверил воспитание сына родственникам. В возрасте десяти лет Рене отправили в недавно основанный иезуитский колледж в Ла-Флеш. В 1614 г. он оставил колледж ради изучения права в Пуатье. Через два года Декарт завершил обучение и возвратился к семье. Чем он занимал себя, неизвестно,

но в 1618 г. он начал свои путешествия, желая, как позже говорил сам, «быть более зрителем, чем действующим лицом, во всех разыгравшихся передо мною комедиях»¹⁴. Записавшись добровольцем (то есть без жалованья) в армию принца Морица Оранского, располагавшуюся у Бреды, на перекрестье дорог между севером и югом Нидерландов, он изрядно скучал, развлекая себя рисованием, военной архитектурой и изучением фламандского. Благодаря случайной встрече на одной из улиц Бреды начала складываться научная карьера Декарта.

Итак, 10 ноября 1618 г. Декарт пытался прочесть на доске объявлений математическую головоломку на фламандском языке и попросил прохожего, Исаака Бекмана, перевести написанное на латынь. Будучи старше Декарта на семь лет, Бекман только что получил степень по медицине, а на жизнь зарабатывал инженерным делом и свечным ремеслом. Он интересовался приложением математики к механике, объяснением закономерностей физических явлений с точки зрения свойств их составных частей — это был распространенный подход к науке в Нидерландах конца XVI в. Между двумя мужчинами завязалась крепкая дружба, и Декарт, в сущности, стал учеником Бекмана, используя свои математические способности (явно превосходившие способности Бекмана) для решения задач, поставленных учителем. Способствовал ли Бекман тому, что, как утверждал Декарт, на него в возрасте 23 лет, через год после первой встречи с Бекманом, снизошло откровение, неясно. Случилось это так: отходя ко сну после дневных размышлений, Декарт открыл «основы удивительной науки»¹⁵, после чего его посетила череда ярких сновидений, изменивших, как он утверждал, его жизнь. Возможно, что в действительности это было нервное истощение, а не интеллектуальный прорыв, каким

его позже изобразил Декарт. В любом случае в течение нескольких лет он, кажется, встал на путь познания, сосредоточившись на естественных науках и математике.

Декарт понимал трудности, с которыми столкнется как новатор. Он справедливо опасался, особенно услышав о том, как инквизиция обошлась с Галилеем, что церкви и учебным заведениям некоторые его научные труды могут показаться неприемлемыми. Галилея порицали в том числе за повторение главной «ошибки» Коперника, а именно за гелиоцентризм. Церковь по-прежнему настаивала, что Солнце вращается вокруг Земли и никак иначе. В конце концов, как сказано в Псалмах, землю нельзя поколебать¹⁶; в Книге Бытия говорится, что Земля была сотворена прежде Солнца¹⁷; а Иисус Навин велел Солнцу и Луне стоять, пока дети израильтяне сражаются с аморитянами¹⁸, чего он не стал бы делать, если бы Солнце и без того было неподвижно. Декарт знал, что Земля движется. Он писал своему старому другу Марену Мерсенну: «...если учение это ложно, то ложны и все основоположения моей философии»¹⁹. В 1633 г., когда вести об обвинении Галилея достигли Декарта, он отменил готовившуюся публикацию своего первого главного научного трактата «Мир». Несмотря на то что ему вряд ли что-то могло грозить в протестантской части Нидерландов, где он тогда жил, или во Франции, где не было инквизиции, а Галилею сочувствовали, Декарт делал все возможное, чтобы избежать ссоры с церковью. В создавшейся ситуации его научные исследования в известной мере подошли к концу.

Один из уроков суда над Галилеем заключался в том, что религия и наука не могут игнорировать друг друга. Если работу Декарта надлежало воспринимать так, будто он новый Аристотель, чего тот, несомненно, хотел, тогда ему следовало найти способ умиротворить богобоязненных людей.

Ничего Декарт не желал более, чем чтобы его научные труды использовались в качестве учебных пособий в таких заведениях, как иезуитский колледж в Ла-Флеше. В этом одна из главных причин, почему Декарт решил представить свои работы в контексте более широкой философской системы. Если бы он смог продемонстрировать не только то, что его наука основана на неопровергимых принципах, но также и то, что с ее помощью он сможет утвердить религиозные истины в обновленном и улучшенном виде, тогда Декарту было бы нечего опасаться. Именно это он попытался сделать в 1637 г., когда опубликовал в одном томе четыре короткие книги: три научных очерка и предваряющее их «Рассуждение о методе». Очерки должны были показать, чего можно достичь с помощью его подхода к науке. С гордостью писал Декарт другу: «Сравни выводы, к которым я пришел... о зрении, соли, ветрах, облаках, снеге, громе, радуге... с теми, к которым пришли другие»²⁰. Вводное «Рассуждение» должно было показать, помимо прочего, как могли бы обогатить друг друга религия и наука, если бы шли рука об руку.

В научных сочинениях, которые Декарт решил опубликовать в этой подборке, он старательно обходил любые скользкие темы. В нее вошли его новаторская «Геометрия», трактат «Метеоры» и «Диоптрика», где преимущественно описывалось, какая форма линз улучшит результативность работы недавно изобретенного телескопа. «Рассуждение» включало также краткое изложение его общей физики, тщательно избегавшее всего, что могло бы привести к непониманию или оскорблению чувств, вроде коперниканской теории солнечной системы или идеи об уподоблении человеческих тел машинам. Но основная идея «Рассуждения» излагается в форме интеллектуальной автобиографии. Она начинается с опыта сомнений, в чем только возможно,

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине «Электронный универс»
[\(e-Univers.ru\)](http://e-Univers.ru)